

Г.Р. Мукушева. А.В. Штриккер

G.R. Mukusheva. A.V. Shtrikker

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

gmukusheva@mail.ru

inyaz2014@mail.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА

ПОНИМАНИЯ

PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF PERCEPTION

Статья посвящена особенностям процесса понимания, его связи с осмыслением и внутренней речью человека, которое необходимо для распознавания и понимания звучащей речи.

Ключевые слова: понимание, осмысление, интеллект, внутренняя речь.

The article is devoted to the peculiarities of the process of understanding its connection with the comprehension of speech and the inner man, which is necessary for the recognition and understanding of oral speech.

Keywords: understanding, comprehension, intelligence, inner speech.

Развитию умения понимать звучащую иноязычную речь в современной науке уделяется значительное внимание.

Как показывает практика жизни, распознавания речи стала актуальной и острой проблемой для таких наук как психология и физиология высшей нервной деятельности. Причиной является то, что в нашем современном потоке информации существуют особенные трудности в правильном распознавании речи.

Радио, кино, телевидение и телефон предъявили свои запросы на знание законов восприятия и понимания речи при ее передаче. Артемов В.А. (1969) одним из первых справедливо отмечал, что с особой остротой встал

вопрос о возможности правильного распознавания устной речи при обучении практическому владению иностранными языками.

Многие вопросы в психологии восприятия и понимания речи имеют прямое отношение к психологии и методике обучения иностранным языкам: сюда относятся и соотношение физических свойств и воспринимаемых качеств речи, распознавание языковых значений и смыслового содержания речи, распознавание звуковых особенностей, звуков языка и фонем, а также распознавание речевой интонации, восприятие слов, предложений и фраз, и наконец, восприятие и понимание связной речи (звучащего текста). [1]

Человеческая речь, как сложная фонетическая, лексическая и грамматическая система, главным образом, характеризуется звуковой оболочкой и надлежащим предметным значением, которое является ее объективным содержанием. То и другое общественно формируется и закрепляется в ходе исторического развития языка, приобретает относительно устойчивый характер и усваивается каждым индивидуумом в процессе его общения с другими членами данного языкового коллектива.

Человек, усваивая язык как общественно - фиксирующую систему обобщенных и облегченных сигналов, вместе с тем усваивает и все связанные с ним логические формы и операции мышления как опосредованное речевое отражение реальных предметов и отношений. [10].

Слово и его значение в человеческом языке находятся в свободном динамическом отношении, в отличие от коммуникативных сигналов животных, где между знаком и значением существует строгая ассоциативная связь, когда при появлении знака автоматически производится его значение. Благодаря отсутствию такой жесткой связи между словом и его значением система человеческого языка является открытой, позволяющей в сочетаниях конечного числа слов передавать бесконечное число сообщений. Свобода сочетаемости слов ограничена требованием осмысленного языкового выражения. [6, С 38-59].

В процессе общения языковое выражение признается понятым при наличии у него предмета (вещи, явления, процесса и т.п.), реального или мыслимого, обозначенного данным выражением. Ввиду неоднозначной зависимости между словом и его значением (полисемия слов) переход от сочетания слов к обозначаемым им денотатам (предметам) и установление конкретных значений слов не может осуществляться автоматически. Этот переход требует понимания, т.е. декодирования языкового выражения, опирающегося на сложившийся у субъектов в предшествующих актах коммуникации опыт употребления языковых единиц [8].

Упоминая о понимании, мы попадаем в компетенцию интеллекта. Однако, интеллект, образно выражаясь, не понимает речи. Он вырабатывает понятия, суждения, делает умозаключение и выводы с тем, чтобы отобразить действительность и указать мотивы человеческой деятельности. Все эти операции не зависят от того, на каком языке говорит человек. Вот почему интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления - это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК).[5] Именно УПК, по мнению Жинкина Н.И. определяет требования к содержательной структуре речи - о чем говорить (предмет), что именно говорить о нем (содержание), зачем говорить (мотив) кому говорить, какой вывод вытекает из сказанного [9].

Под влиянием речи происходит интеллектуализация ощущений и восприятия, делающая их специфически человеческими, т.е. обобщенными не только по внешним признакам, но и по признакам понятия.

Представляется важным подчеркнуть взаимоотношения мышления и речи, а также различия трактовки этого вопроса Выготский Л.С., Рубинштейн С.А., Блонский П.П., Соколов Н.И., Баев Б.Ф., Залевская А.А. и др. отмечают, что мышление не только выражается, но и совершается в речи, а Рубинштейн С.А. и Зимняя И.А., - что оно не только формулируется, но и формируется в ней.

Многие ученые считают, что мышление и речь независимы друг от друга. Однако П.П. Блонский (1964), изучая вопросы взаимосвязи мышления и речи, шаг за шагом указывал на позиции их непрерывной связи, и утверждал, что “на самом деле нельзя и минуты мыслить без слов”. Он твердо стоял на том, что речь и мышление возникли из одного источника - из труда, в процессе социального общения, что “слушание речи не простое только слушание: до известной степени мы как бы говорим вместе с говорящим”. Для доказательства этой гипотезы он приводит самый простой, повседневный, но в высшей степени интересный опыт: “Когда я смотрю на что-нибудь, я свободно могу одновременно и внимательно смотреть и говорить про себя что-нибудь. Когда я внимательно слушаю музыку, я также могу в то же время думать, говорить про себя» [3; 546]. Но, общеизвестно, как трудно в одно и то же время внимательно слушать говорящего и внутренне говорить что-либо про себя. Если мы внимательно слушаем, мы не можем думать или говорить про себя, например, хотя бы знакомое стихотворение наизусть, больше того, мы замечаем, что при очень внимательном слушании мы повторяем про себя слова говорящего; если мы, наоборот, начинаем в это время думать, говорить про себя (не речь говорящего), то мы перестаем слушать речь говорящего, и переживаем, нечто вроде сенсорной афазии, примерно, на той стадии ее, когда слова слышатся как слова, но еще не понимаются. Мы слышим все, что говорят, но повторить ничего не сможем, так как речь до нашего, так сказать, “психического слуха не дошла”. Невозможность при внимательном слушании речи внутренне говорить о другом объясняется тем, что при слушании речи происходит симультанная репродукция ее: если так, вышеописанный опыт состоит в попытке одновременно иметь две внутренние речи, что конечно физически невозможно.

Из интерпретации этого опыта П.П. Блонским, очевидно следует, что внутреннее повторение речи говорящего (симультанная репродукция при слушании речи) является необходимым моментом понимания ее.

В психологии и лингвистике неоднократно высказывалась мысль о том, что понимание чужой речи невозможно без внутреннего воспроизведения ее. Внутреннее проговаривание – это беззвучная речь “про себя”, иными словами, внутренняя речь. Психиатры прошлого века (П. Брока, Ж. Шарко, К. Вернике и др.), изучавшие внутреннюю речь, полагали, что при слушании речи, человек воспроизводит в уме слуховые, зрительные и двигательные образы слов и таким путем приходит к пониманию речи. [5, С.79].

Еще в начале столетия А.А. Погодин, автор обширной монографии о психологии языка, анализируя значение внутренней речи для процесса понимания, называет ее, “переводчиком на язык нашей мысли того, что мы слышим и что без нее, без помощи этой нашей внутренней речи, все это услышанное было бы для нас лишено всякого смысла”. Поддерживая мнение ряда исследователей–психиатров, он считает, что “чужие слова воспринимаются комплексом звуков, в слова они превращаются для нас уже нашим собственным аппаратом речи, (понимая под ним и слуховые, и двигательные, и зрительные центры речи), который в свою очередь приводит в движение органы, необходимые для произнесения слов. Каждое слово, которое мы услышим и повторим, проходит два пути: от внешнего мира к нашей внутренней речи, от этой последней к внешней речи, говорению”.

Козлов П.Г. (2000) отмечает у Погодина А.Л. указание на педагогическое значение внутренней речи, подчеркивая, что “обладатели различных типов внутренней речи различным образом воспринимают сообщаемое им знание”; “преобладание воспринимающего (аудитивного) или воспроизводящего (моторного) элемента во внутренней речи замечается у всех говорящих людей, и педагогика с этим должна бы считаться”.

В ином научном контексте внутреннюю речь исследовал Л.С. Выготский. Он исходил из того, что без правильного понимания внутренней речи невозможно выяснить отношение мысли к слову во всей их действительной сложности.

Козлов П.Г. (2000) справедливо отмечает, что у Л.С. Выготского внутренняя речь представляет собой совершенно особую, самостоятельную, автономную и самобытную форму речи, отличную от функции внешней речи. Она не предназначена для сообщения, это речь «для себя». И в этом смысле её правомерно рассматривать как особый внутренний план речевого мышления, которое опосредует динамичное отношение между мыслью и словом. [7].

Во внутренней речи до предела редуцируются фонетические моменты речи, речевые раздражения, нет необходимости произносить слово до конца, это речь почти без слов. Внутренняя речь оперирует семантикой. Во внутренней речи слово характеризуется преобладанием смысла над его значением. Оно более нагружено смыслом, чем во внешней речи и характеризуется своеобразием смыслового строения: слиянием многообразного смыслового содержания в единое слово. Во внутренней речи, считает Л.С. Выготский, мы всегда можем выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием. [4, С 517].

Б.Ф. Баев (1967) в своих исследованиях указывает на то, что внутренняя речь является средством формирования и формой функционирования мыслительных действий как действий идеальных и теоретических и что она включается затем в понимание чужих мыслей, в решении мыслительных задач, в подготовку речевого обмена мыслями. Он также отмечает, что роль внутренней речи неодинакова на различных этапах понимания, степень ее значимости оказывается зависимой от характера предмета понимания, его сложности и новизны, реального контекста, в котором осуществляется обмен мыслями.

Одной из важнейших функций внутренней речи, по мнению Б.Ф. Баева, является подготовка речевой информации. Эта закономерность, как отмечает Б.Ф. Баев, находит подтверждение в многочисленных фактах наблюдений за процессом обучения иностранному языку, особенно при обучении

иноязычному общению. Как известно, вербальная коммуникация – двусторонний процесс, который предполагает выдачу речевой информации и ее прием, подготовку передаваемой информации и переработку воспринимаемой. Внутренняя речь, включаясь в подготовку информации на выход, вместе с тем включается в ее прием, то есть в восприятие и понимание чужой. Это дает основание Баеву Б.Ф. 1967 и Козлову П.Г. (2000) предположить, что “механизм внутренней речи представляет собой центральное звено принимающе - выдающей речевую информацию системы”.

Слушая чужую речь, если мы действительно внимательно слушаем ее, – мы выделяем основные моменты и обобщаем их. Но при слушании более или менее известного, обычно мы часто ограничиваемся лишь нерасчлененным охватыванием целого. В таком случае понять означает соотнести воспринятое с прежним, уже известным. Для такого понимания не требуется развернутой речи, она может быть крайне сокращенной до немногих намеков, ибо такое понимание предполагает многое уже известным. Понять же новое, значит выразить его в форме нового представления или понятия, а этому должна предшествовать внутренняя переработка материала, анализ его [2].

По мнению некоторых исследователей, термин “понимание” вообще является очень неопределенным. В одних случаях понять означает вспомнить старое, непосредственно соотнести с известным. Так нередко происходит понимание с полуслова. Необходимость сопроизнесения речи говорящего в этом случае как будто совсем отпадает. В других случаях нередко приходится два - три раза прочесть или прослушать трудный текст, прежде чем приходит понимание его. Здесь понимание приходит через обдумывание и размышление. В таком случае “понять” означает уже не столько прямо отнести к старому, сколько выразить в форме новых выводов, новых понятий. Однако повторение слов говорящего (или повторного чтения текста) недостаточно для понимания, и если повторение слов говорящего

имеет место, то роль его, очевидно, должна выразиться в чем-то ином. В связи с этим представляется важным исследовать вопрос о значении речевых выражений на различных ступенях понимания.

Таким образом понимание речи базируется на восприятии, распознавании и их смысловой организации. Понимание имеет спиралевидный характер, в основании которого лежит система связей воспринятого сообщения с предшествующими знаниями индивида.

Библиографический список:

1. Артемов В.А. Психология преподавания иностранных языков. - М., 1969. С 18-25.
2. Баев Б.Ф. Психология внутренней речи. Автореферат докт.диссертации. Л., 1967г.
3. Блонский П.П. Избранные психологические произведения. М.: Просвещение, 1964. С. 546.
4. Выготский Л.С. Избранные психологический исследования. М.: АПН РСФСР, 1956. С. 517.
5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
6. Жинкин Н.И. Сенсорная абстракция. Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. - М., 1978. С. 38-59.
7. Козлов П.Г. Внутренняя речь в контексте проблематики обучения иностранным языкам. - Алматы, 2000 // Вестник КазГУМОиМЯ № 1, 2000.
8. Новиков А.И., Чистякова Г.Д. К вопросу о теме и денотате текста. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1981. №1.
9. Потебня А.А. Мысль и язык. // Полн. Собр. Соч. М., 1926. Т.1 с.79.
10. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. - М.: Просвещение, 1968.